

МАСТЕР РУССКОЙ ДРАМЫ

75-летие со дня смерти

А. Н. Островского

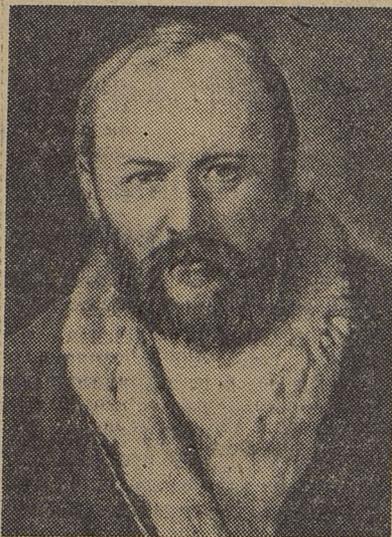
Создатель русского национального театра А. Н. Островский принадлежит к тем великим писателям, о которых проникновенно сказал он сам: «История оставила название великих и национальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома».

Сорокалетний творческий путь драматурга, давшего русской сцене около 50 оригинальных пьес и ряд блестящих переводов Шекспира и итальянских авторов, был тернистым и трудным подъемом к вершинам русской и мировой драматургии. Обстановка общественного подъема 60-х годов прошлого века, борьба революционно-демократической критики за прекрасное дарование Островского помогли ему после «некоторых колебаний избрать путь писателя — критика и обличителя».

Показывая в ряде пьес («Бешеные деньги», «Волки и овцы», «Лес») представителей исторически обреченного дворянства, праздных прожигателей жизни, искателей богатых невест, Островский противопоставляет им трезвых и расчетливых дельцов, носителей буржуазного практицизма: подобных Кнурову, Вожеватову, Беркутову.

Бездушные, цинизм, корыстные вожделения, открытое или замаскированное хищничество — таково отталкивающие черты этих «рыцарей наживы». С холодной обдуманностью и расчетливостью раскидывают они сети, удавливая очередную жертву, и душат ее мертвой хваткой. Власть чистогана, погоня за «бешеными деньгами» порождают душевную выхолощенность, не оставляя места для больших человеческих чувств, для подлинной гуманности, любви и дружбы.

Так, мнимое участие в судьбе бесприданницы Ларисы двух близких ей людей — Кнурова и Вожеватова — выражается в намерении взять ее в Париж, то есть сделать содержанкой, воспользовавшись

безвыходностью ее положения. «Вещь... да, вещь. Они правы, я вещь, а не человек», — горько сетует Лариса, разыгранную в «орел или решку», из рук Кнурова и спасают от грозившей ей участи...

Далеко не всегда трагизм жизни подчеркнут у Островского сценически эффектной развязкой, крушением большого и прекрасного человеческого чувства, приводящим к убийству или самоубийству. Трагизму вынужденного ухода из жизни Островский противопоставляет трагизм тусклого, бесцветного существования, не осмысленного высокими целями и надеждой на будущее.

Так, в пьесе «Трудовой хлеб» Наталья Петровна, обманутая Копровым, выходит замуж за честного и преданного, но нелюбимого ею Чепурина.

Примечательно, что трагическая гибель Катерины, подобная очистительной грозе, разразившейся в душевной и затхлой атмосфере Калинова, производит менее гнетущее впечатление, чем сумерки жизни «бедных невест», идущих на компромисс, на сделку с собственной совестью, свадьбы которых так сильно смахивают на похороны.

Счастье жизни героев, мыслит Островский, или призрачно и ненадежно и не оставляет места для надежд на будущее («Шутники», «Трудовой хлеб»), или яв-

ляется результатом игры слепого случая, счастливым неожиданности.

На отсутствие в этом смысле иллюзий у Островского указывает само название пьесы «Правда хорошо, а счастье лучше»; жить «по правде» — хорошо и достойно, но правде не сопутствует счастье, и только слепой случай посылает его в удел маленьким людям, над которыми тяготет мрачные силы «темного царства».

Эта авторская мораль, не противоречившая вере драматурга в конечную победу светлого и разумного начала, подчеркнута репликой купчихи Мавры Тарасовны, охлаждающей пыл не в меру восторженного Платона, которого счастливый случай соединил с любимой девушкой: «Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты со своей правдой всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умён, а родись счастливым... Правда хорошо, а счастье лучше»...

Не только паразитизм дворянства и хищничество буржуазии становятся предметом обличения Островского в пьесах 60—70-х годов. Есть у него и другой враг — мертвящая житейская пошлость мещанского, обывательского существования, с большой сатирической силой разоблаченная драматургом в трилогии о Бальзаминове 1860—61 гг.

Трагическое, выступающее в обличии житейской пошлости, страшно тем, что не оставляет места ни для возвышенного чувства, ни для дерзания, ни для протеста, — всего того, чем так прекрасна трагическая гибель Катерины, одерживающей ценою смерти победу над силами «темного царства». Здесь царит вечный мрак, не озаряемый ни единым лучом света, и люди бродят впотьмах, как слепорожденные...

«Буржуазному безвкусию» и «пошлостям» мастер русской драмы противопоставил здоровье, но неразвитые вкусы «свежей», «молодой», т. е. демократической публики: «Для свежей публики требуется сильный драматизм, крупный комизм..., горячие искренние чувства (живые и сильные характеры), крепкая воля... «Ей нужен на сцене глубокий вздох, на весь театр, нужны непритворные теплые слезы, горячие речи, которые лились бы прямо в душу»...

Театр Островского — театр больших чувств и страстей. Вни-

мание драматурга часто привлекают сильные и яркие человеческие характеры, люди с «горячим сердцем», отстаивающие свои права на свободу и счастье: народный мститель Роман Дубровин («Воевода»), вожак московского простонародья Иван Калачник («Дмитрий Самозванец»), удалец Максим Редриков («Тушино»).

В двух первых пьесах с особой силой сказалась вера драматурга в вольнолюбивый и одаренный русский народ, в торжество патристического разума масс. Народ признается Островским главным героическим и трагическим лицом и русской истории и русской драмы. Вот почему подлинным оптимизмом отмечены развязки тех пьес, где сюжет ведет герой из народа, где над чужеземными насильниками и «своими ворами» — боярами и воеводами — торжествуют воля и разум народа, борющегося за правое дело национального освобождения («Козьма Минин», «Дмитрий Самозванец»), или там, где сквозь рутину старого быта и домостроевской морали властно пробиваются ростки нового («Комик 17 столетия», «Воевода»).

Драматургия Островского не сходит со сцен наших театров, продолжая волновать умы и сердца зрителей, воспринимающих ее в свете слов самого драматурга: «Бытовой репертуар если художествен, то есть если правдив, великое дело для новой, восприимчивой публики: он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке, что он должен в себе беречь и воспитывать, и что есть в нем дикого, и грубого, с чем он должен бороться...»

Разлителен контраст между «темным царством» дореволюционной России, открывающимся нам в «пьесах жизни» великого драматурга, и нашим светлым сегодняшним днем, новым миром, где нет ни «волков и овец», ни «бедных невест» и «бесприданниц», ни «бешеных денег», а если и есть еще любители «доходных мест», то о таких можно сказать, что «не все коту масленица», а главное — их неизмеримо меньше, чем бескорыстных энтузиастов, ум и талант которых «светят и греют» и для которых «счастье хорошо, а правда лучше»...

Прекрасен и светел мир строящегося коммунизма, в котором люди живут и творят по законам высшей красоты и правды.

М. УМАНСКАЯ,
доцент Саратовского педагогического института